

Прежде Всего

(2008)

*...и философия в природе,
понятия станут каждой дуре.*

Мх. Савояров

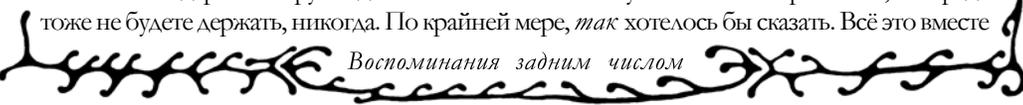

Меня зовут Эрик-Альфред-Лесли, если в этом есть хотя бы малая капля смысла. Ради краткости и простоты они меня обыкновенно называли Эрик, именно так, одним словом, не более, чем Эрик..., да ещё и с ударом на последнюю букву *и*: и *Эрик*, и *Сати*. Да. А второго и третьего, имея в виду Альфреда и Лесли, они обычно выпускали вон за полной ничкёмностью или просто старались не замечать как нечто лишнее или пустое. И только в крайнем случае я стал бы им что-то возражать, разумеется. Тоже – одним словом. Люди вообще склонны слишком многое делать (или не делать, что всегда предпочтительнее), прежде всего, ради лени и маленькой простоты. Хотя, возможно, им и не следовало бы так опрощаться, сверх нижней границы. Пустой разговор! Ведь они и сегодня продолжают в том же духе, бедняги, семят год за годом, день за днём, век за веком, словно их тщедушная жизнь сама по себе ещё недостаточно проста. И здесь, пожалуй, пора бы взять дыхание и остановиться..., немножко остановиться, самую малость, – пока мысль не ушла слишком далеко и не растекалась по известной субстанции. Мне кажется, подобный результат был бы не слишком желательным, вот так, остаться без неё, совсем без неё, – и не только *прежде всего*, но уже с самого начала, на первой странице... Почти голым и совсем одиноким. Да...

*...как правило, всё самое важное случается
как раз после окончания жизни...*

– Неукоснительно следуя по пятам за лучшими правилами дурного тона, я был бы должен сразу предупредить, кое о чём, вероятно, об одной мелочи, – хотя и не следовало бы этого делать, конечно. И всё же, – скажу... Буквально пару фраз, для начала. И прежде всего, намекну, что эта книга, которую вы держите в руках или на столе перед собой..., – да..., вы ничего не знаете о том, *что* она из себя представляет. Даже более того, вы не только не знаете, но и *не можете* знать, *что* она из себя представляет. И даже когда вы прочитаете эту книгу до конца, последнее невероятно предположить, но в результате это всё равно не поможет. В любом случае вы так и не узнаете, *что* она из себя представляет, эта странная, трижды странная вещь. Поэтому я сразу же и с предельной прямоотой предлагаю вам как можно скорее отложить эту книгу в сторону и даже не пытаться её каким-либо способом читать, листать или вертеть в руках. Честное слово, она и без того – хороша, достаточно хороша..., или дурна. Разница не так уж и важна. Но главное – что ещё ни разу в своей жизни вы не держали в руках даже близко похожей шпуквины. И скорее всего, и впредь тоже не будете держать, никогда. По крайней мере, *так* хотелось бы сказать. Всё это вместе

Воспоминания задним числом

и каждое по отдельности хорошо бы крепко помнить, когда вы позволяете себе *вот так* запросто держать в руках эту книгу... Одну эту книгу. Или всякую другую, в отличие от неё.

— Но ещё очень многое я должен успеть сообщить заранее, пока ничего не началось. В том числе, и чтение. Так называемое — чтение. Пока не поздно..., чтобы не пришлось сообщать что-нибудь *после*, и глубоко задним числом, когда всё кончится и будет поздно. Говоря между нами (*и глубоко в скобках*), это вообще-то правило, старое доброе правило. Большинство человеческой жизни происходит задним числом..., и даже более того, оно происходит глубоко *после всего*. Прежде всего потому, что многим *так* удобнее. Когда почти всё заранее известно, пережито и закончено. Тогда нужно только припомнить; к примеру, открыть записную книжку, справочник или чутунную скрижаль истории. В таком случае можно встречаться, не открывая глаз, и разговаривать, плотно закрыв рот. А потому я и говорю заранее, — пожалуйста, давайте как-нибудь обойдёмся, ну не нужно всего этого.. И прежде всего, вам самим и не нужно. Сейчас было бы гораздо вернее плотно закрыть эту книгу, как глубоко лишнюю для вас, и отправить её на заднюю полку, как можно дальше, чтобы она больше никогда..., — я повторяю, — больше никогда отсюда не вернулась.

*...ни за что другое люди не платят так много, так часто и охотно,
как за своё ничтожество...*

— Однако... Мадам, мадемуазель, и даже господá... Я рад заранее приветствовать вас здесь, в это время, в настоящее время..., в это слишком странное время. Скажем так..., хотя ничего особенно странного в этом времени нет. Странно — совсем другое. Можно даже и не стараться слушать то, что я здесь говорю..., или пытаюсь говорить. По правде признаться, мне попросту нечего вам сказать. Прежде всего, *именно с этого* я должен начать своего, нашу, вашу, их книгу. И вы, только начиная мутный процесс чтения, или заканчивая его, тоже *должны* это знать. Желательно — от меня, от первого лица. То есть, от меня лично..., узнать. И это — главное. Главное — из ничего..., из того, что мне следовало вам сообщить, пока ещё не началось чтение..., и чтобы оно уже по возможности никогда не началось. Хотя это и главное, но далеко не единственное, как нетрудно убедиться, пролистав страницы дальше и возвращаясь затем обратно. Задним числом... Всякий раз возвращаясь обратно.

— Но теперь, пока ещё не началось чтение, я сразу вас предупреждаю ещё об одном, чтобы потом не было всякого недовольства, лишней ругани, громких воплей или тихого перешёптывания. Тот предмет, который вы держите в руках — это вовсе не научная книга, как приятно было бы предположить..., и даже более того, эта книга самым глубочайшим образом *ненаучная*. Если кому-то надобно держать в руках первоисточник или волосатый научный аппарат небольшого размера — простите..., это не ко мне. Никогда не ко мне. И ещё раз простите. За таким товаром следует обращаться в соседний отдел, где давно пусто и ничего нет. Да... Всё так. И я ничуть не оговорился, вóт что прежде всего. Для *этих* людей самое время закрыть эту книгу и облегчённо отправиться на воздух, как выражаются разные люди, жившие во Франции. Как можно дальше — на воздух. А я, тем временем, продолжу своё маленькое слово. Итак, эта книга не научная, совсем не научная, возможно, даже *анти*. Но если у кого-то есть ещё желание услышать дальше, я готов продолжить... Спустя год.

— Пускай так. Но ведь эта книга и не художественная..., да, это точно, поскольку ни капли вымысла или «художества» она в себе не содержит. И прежде всего потому, что здесь

было просто некому и нечего вымышлять. Чтобы не говорить слишком длинно и спешиво, я вынужден ограничить себя известным замечанием, что *эта книга является более правдивой, чем сама правда...*, потому что она — внутренняя, глубоко упавшая — туда, вовнутрь. В этом её величайшее существо, если удобно слышать. — Хотя наша информация не корректна, тем не менее, мы за неё не ручаемся. Тем более что ручаться — не перед кем. Перед нами никого нет, и за нами — тем более... Всего три короткие фразы. Слова самого Эрика, как и он сам... Однако..., можно ли считать эти слова достоверным документом?.., как и он сам. Можем ли мы признать этот документ корректным..., например, по содержанию, по форме..., или хотя бы по форме? Например: таким же, как и вся эта книга. — Пожалуй, достаточно. Итак, с ещё одним досадным вопросом покончено. Я уйду, — по возможности, не оглядываясь.

— «Что есть жизнь», — к примеру, вот ещё один перекапный вопрос от любителей..., завязтых любителей выпучить глаза перед некоей, возможно более тупой книгой. И снова должен предупредить *прежде всего*: меня ничуть не интересует, что вы ответите. И вообще, это ваше личное дело, на всю длину головы. И всё же, этот на первый взгляд *совершенный* в своём порожном идиотизме вопрос «*что есть жизнь*», имеет самое прямое отношение к любым «Воспоминаниям», — тем более, таким, которые «задним числом». Тем более, если вы их ещё читаете, или держите в руках... Слишком часто я слышу странный вопрос..., если эта книга написана в жанре мемуаров или сборника писем и статей..., — то каким же образом она смеет *не быть* документальной? Легко отвечу: конечно, нет — не смеет. И не может. Да так оно и есть! Читайте, если нравится, что жизнь является первоисточником..., хотя само по себе это более чем странно. Она, у которой *нет ничего* своего, ровным счётом. Даже пока она не прошла. Или идёт. Тем не менее, мы продолжаем делать вид. И часто — весьма успешно. Всякому очень хочется, чтобы *она* было, ну хотя бы немножко.

... в этом мире существует то что возможно — и то что невозможно.

Разница между ними — ничтожна...

— Итак, я (не) надеюсь, вы что-нибудь поняли, из сказанного..., или, на худой конец, хотя бы запомнили. Наизусть, как стихотворение... Да. Потому что «Воспоминания задним числом» документальны ровно в той же степени, как и сама жизнь. Всё так... И подобно ей самой, хотя автор у неё и один (как обычно принято считать), но человек всё же способен вносить в неё свои косметические изменения, исправления и мелкуто редактуру, в полном соответствии с личными способностями, само собой. Или испорченностью... Но и более того, ничуть не рискуя ошибиться, можно утверждать (а затем ещё и подтверждать, если так надо), что даже самый бесприсветный дурень не в состоянии прожить *чистым листом*, ничего не напачкав и не испортив своей корявой лапкой. Между прочим, в точности так и составляется жизнь — в качестве подпорченного (а иной раз даже подмоченного) текста... или документа, если угодно. Именно она *прежде всего* и находится здесь, среди страниц, в таком виде. Вдобавок, лицом к лицу с самой собой. — А всё прочее из нижней жизни меня попросту не интересует, считайте, что я молчу... Молчу, и не отвечаю на лишние вопросы. Если что-то не ясно, можете обращаться в справочную службу. — Там наверняка скажут.

— И всё же, имейте в виду: это *не есть* та самая книга, которую можно читать сегодня. Точнее так пожалуй, я не стану запрещать, чтобы её пытались прочесть, но прежде всего отмечу, что это возможно делать только с изрядной долей тупости, самой чистосердечной

и благостной. Разумеется, никому не возбраняется продолжать делать в точности то, что составляет обычное содержание повседневной жизни, пускай даже и своей, собственной, не дай-то бог... Но это уже будет – и не моя беда, и не моя проблема. Однако, имейте в виду: сразу же, ещё на входе, я предупредил со всей прямо́той..., сделав это за́просто за́ранее, но значительным образом – прежде всего. Книга *задним числом* – не читается и не существует сегодня: здесь и сейчас. Если сказать по существу, то к ней необходимо когда-то вернуться назад; именно что: *вернуться*, – и только в таком случае она тоже *вернёт* хотя бы десятую долю внутреннего смысла (примерно в *десять раз* больше, чем вся ваша жизнь, чтобы не удивляться словам прямого действия). – Однако, не имея возможности здесь остановиться, я вынужден продолжать дальше, – как можно дальше и даже далее всего... И так далее.

— Только тот, кто неприкрыто любит Сати или меня, что по существу – одно и то же, – может и должен читать эту книгу (задним числом, разумеется). В противном случае, это чтение придётся оставить, причём, очень скоро оставить..., и надолго, желательно даже навсегда или, по крайней мере до *окончания*... – Но в любом случае, заранее имейте в виду: среди этих толстых страниц вы неизбежно потеряете время, возможно, даже всё, что у вас оставалось, до последнего франка. Понимаю, что мне навряд ли удалось кого-то испугать этим предупреждением. Или предостеречь, хотя бы. Но это и не было моей неперменной целью. В конце концов, любая жизнь, – что же это ещё, как не чистая потеря..., – потеря времени, хотелось бы добавить, ради смягчения. Однако я не желал бы каким-то образом участвовать в этом популярном процессе. Именно поэтому я и предупреждаю много раз: она, эта книга *не нужна* прежде всего вам, (не)дорогой человек. Отложите её в сторону – и просто имейте, если так хочется, – например, в качестве недвижимости... Проще говоря, старайтесь держаться в стороне. И я сейчас попытаюсь показать, *где* она находится.

...люди вечно бродят стаями, – это ещё не достаточный повод,
чтобы становиться одним из них. ...

— Несмотря на некоторые затруднения, то и дело возникающие по ходу чтения, тем не менее – идём дальше. Я показываю путь (пальцем). Вы – следуете..., или хотя бы имеете такой вид. В противном случае, совместный процесс не имел бы ровно никакого смысла (что и есть чистейшая правда..., ещё раз правда – и ничего кроме неё). Да. И теперь, на этом месте мы внезапно видим нижеследующие слова... Прежде всего, мне раз и навсегда без разницы, что вы подумаете или скажете, потому что эта книга *ни разу*, ни на одном листе не была написана для вас. – Даже более того, вы (как всегда) не имеете права голоса, в том числе, *избирательно*. Придумайте произнести хотя бы две-три фразы о самом себе: *в чём* именно могла бы состоять ваша роль. Не стану трудиться возражать: самые привычные слова окажутся неубедительны... в высшей степени. Ни один человек этого мира не имел отношения к подготовке этой книги и равным счётом ничего не сделал ради того, чтобы она была закончена, издана или (хотя бы) – прочитана. Ныне мне даже не известно, *кто* вы такой (такая, не такая, другой, третий или шестой), чтобы позволять себе разговаривать в напуг с Эриком сторону. – Возможно, это пройдёт, со временем, но сегодня я не стану даже обсуждать этот вопрос. Мы его пропускаем, просто пропускаем. Ради чистоты вопроса.

— Дальше – вот ещё новое дело. Мы начинаем показывать фокусы. Да. И прежде всего я попробую, прямо у вас на глазах открыть Америку. Совсем маленькую Америку.

Возможно, даже небольшой остров посреди моря..., целого моря воды, заметно грязной. И вот, значит, посмотрите: что там будет обнаружено, кроме гнилых досок и пары старых (как миф) скелетов... Так называемый «гений» – это всегда Центр, а кроме того, – ещё и середина мира. Уже одно это свойство очень сильно отличает его от прочих людей (что, кстати говоря, весьма сомнительно, если даже не в точности наоборот)... Однако, мы не будем теперь спорить..., или вступать в пустые обсуждения. Лучше скажем просто и веско: да, это так... Короля играет окружение. Гения – играет мир, именно этот конкретный мир, всякий раз здесь и сейчас. Возможно, он этим делом мается, просто от нечего делать. Даже вероятнее всего. Именно он, этот мир называет «гения» по имени, таращится во все глаза, гоняется изо всех сил, приставляет лесенку к спине и даже пытается на него взобраться..., например, сесть на спину, схватить за шею или укусить за ухо. В общем, соорудить из него пьедестал, чтобы казаться себе хотя бы немного повыше. – В целом, это и есть почти всё, что мир может. Бедняга..., у него всегда были довольно ограниченные способности...

— Но кроме этого, есть (ещё) и другой мир. Давно и в подробностях известный, между прочим. Тот, который не замечает гения, называет его идиотом, сумасшедшим или тупым выскочкой. Тот, который при жизни запросто сплёвывает на него своими драгоценными жидкими слонами. Само собой, я не называю и не буду теперь называть ни одного имени, тем более, что их «гений» не есть кто-то один, конкретный или со специальным намёком... Моя отвёртка давно спрятана в ящике стола и рука не просит возражений. Однако, и вы... тоже не делайте вид, словно только что зашли и ничего не знаете... Ведь все мы очевидно кое-что слышали об этом деле. Да, так было, и далеко не один раз. Всё *прошлое*, если угодно, нигде не *проходит* и не исчезает. Оно есть и вчера, и сегодня, и всегда в одновременности. Мир, который называет гения бездарностью – это бездарный мир. Вот и всё слово. Я очень рад, что именно мне сегодня представилась честь, наконец, сообщить вам об этом, *прежде всего*. Отныне можете врать что угодно, и даже придумывать отдельные истории, глубоко задним числом. Однако закрыв рот, поневоле приходится признать, что мы с вами живём именно в таком мире, как бы вы не пытались хлопнуть дверью или в большой барабан.

...Этот пациент – безнадёжен.

Скорее принесите мне другого.

— Я знаю, недовольный читатель наверняка захочет обидеться на меня. Для начала он скажет, что я – самозванец, претендую на некую абсолютную истину об Эрике..., или даже обо всей их жизни, на худой конец. Так тоже бывает, само собой. – Наивный человек, нужно ли и говорить, до какой степени он ошибается в своей обиде..., в своей детской обиде!.. Прежде всего, я вовсе не претендую на какую-то абстрактную абсолютную истину, тем более – об этом Эрике. И в самом деле, было бы *на что* претендовать. Всё гораздо проще! Всего лишь, я знаю его изнутри, как самого себя (или себя, но *не самого*). Некоторые, напротив того, называют эту книгу иначе: «Сати как он есть». Возможно, они правы..., или правы, но не совсем. Или совсем не правы. Да... Потому что всегда остаются варианты. Но вот что важно: главный из них торчит – здесь, прямо перед лицом..., всегда перед лицом. Оценить его нельзя, обсуждать его лишено смысла. Всего лишь, его следует принять – или удалиться вон, как можно более поспешно. Если желаете, я помогу вам это сделать, лично. И даже покажу дорогу. Между прочим, она очень хорошо видна – прямо с этого места...

Воспоминания задним числом